

Роберт Ирвин Говард

Гиена Сенекозы

Роберт Ирвин Говард Гиена Сенекозы

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154242

Роберт Говард. Гонимые смерти: Северо-Запад; Минск; 1998

ISBN 5-7906-0050-0

Оригинал: RobertHoward, "The Hyena"

Перевод:

Дмитрий Анатольевич Старков

Аннотация

Колдун по имени Сенекоза может превращаться в гиену. Он представляет опасность для белых людей, и справиться с ним будет не так просто...

Роберт Говард

Гиена Сенекозы

Смутное недоверие к этому колдуну по имени Сенекоза возникло у меня в первую нашу встречу. Со временем же оно постепенно переросло в ненависть.

Я был на восточном побережье новичком, в избытке наделенным любопытством, ничего не смыслил в африканских обычаях и легко поддавался порывам души. Приехал я из Вирджинии, поэтому расовые предрассудки во мне были очень сильны, и, без сомнения, чувство собственной неполноценности, постоянно внушаемое мне Сенекозой, послужило главным поводом для антипатии.

Он был удивительно высок и строен – шести футов и шести дюймов ростом, и так мускулист, что весил, наверное, не меньше двухсот фунтов. При его-то стройности подобный вес мог бы показаться невероятным, но этот чернокожий гигант словно сплошь состоял из мускулов. Чертами лица он не слишком походил на негра. Высокий, выпуклый лоб, узкий нос и тонкие, прямые губы куда лучше подошли бы берберу, чем банту, но волосы его были курчавы, словно у бушмена, а кожа – чернее даже, чем у масаи. Цвет его лоснящейся шкуры был не таким, как у людей из окрестных племен, и я решил, что Сенекоза принадлежит к какой-то другой породе.

На ранчо он появлялся редко, как правило, без предупре-

ждения. Иногда он приходил один, а порой его сопровождали, держась на почтительном расстоянии, с десяток масаи, причем самых диких. Эти обычно останавливались поодаль от построек и, крепко сжимая древки копий, подозрительно следили за каждым из нас.

Сенекоза приветствовал нас в высшей степени любезно. Он вообще обладал крайне изысканными манерами, однако мне его безукоризненная вежливость казалась неискренней, и меня никак не покидало смутное ощущение, будто этот черномазый насмехается над нами. Обнаженный чернокожий великан совершал какие-нибудь незатейливые покупки вроде медного котла, бус или старого мушкета, передавал вести от какого-нибудь местного вождя и величественно удалялся.

Как я уже говорил, мне он вовсе не нравился, и я как-то поделился своим мнением с владельцем ранчо Людтвиком Стролваусом, который приходился мне дальним – что-то вроде десятиюродного брата – родственником. Людтвик только хмыкнул в русую бороду и заявил, что с этим колдуном все в порядке.

– Да, верно, среди туземцев он – сила. Все они боятся его. Но белым людям он друг. Я.

Людтвик обитал на восточном побережье с давних пор, до тонкости понимал и туземцев, и австралийских коров, которых разводил, но воображением был обделен.

Обнесенное частоколом ранчо стояло на вершине невысо-

кого холма, а вокруг на многие мили простирались лучшие выпасные луга во всей Африке. Частокол был замечательно приспособлен для обороны, а в случае набега масаи внутрь можно было загнать почти всю тысячу голов скота, принадлежавшего Людтвику и составлявшего предмет его необычайной гордости.

– Уже тысяча голов, уже тысяча, – говорил он, и улыбка медленно расплывалась на его круглом лице. – А потом – о! – десять тысяч, и еще десять тысяч. Хорошее начало, очень хорошее. Ja.

Я-то, сказать по секрету, восторгов насчет коров не питал. Туземцы и пасли их, и загоняли в коррали, а нам с Людтвиком оставалось лишь разъезжать по округе да распоряжаться. Такая работа ему нравилась больше всего, и потому я оставил ее ему почти целиком.

Таким образом, моим основным занятием было ездить с ружьем по вельду, иногда в одиночку, иногда в сопровождении слуги. Не могу сказать, что я добывал много дичи: во-первых, стрелок из меня никакой, даже в слона попаду с трудом, а во-вторых, жалко было убивать зверей просто так. Как-нибудь антилопа могла выскочить из зарослей прямо перед грудью моей лошади и умчаться прочь, а я замирал, восхищенный ее стройным, грациозным телом, пораженный ее дикой красотой, и ружье мое оставалось лежать на луке седла.

Мой слуга, туземный парнишка, начал было подозревать,

что я нарочно не стреляю, и принялся отпускать подленькие намеки на мою женоподобность. Я был еще зелен и дорожил даже мнением туземца, хоть это и крайне глупо. Его замечания уязвляли мою гордость, и однажды я, выбив его из седла, лупил до тех пор, пока он не запросил пощады. После этого он больше не отваживался обсуждать мои действия.

Однако в присутствии колдуна я чувствовал себя каким-то неполноценным. Другие туземцы отказывались о нем говорить. Сколько я ни пытался вытянуть из них хоть что-нибудь, они лишь испуганно закатывали глаза, показывали жестами, что им страшно, да еще изредка лепетали, что колдун обитает среди каких-то племен вдали от побережья. Пожалуй, все сходилось на том, что Сенекозу лучше оставить в покое.

Но одно происшествие утвердило меня в моей неприязни к колдуну.

Тем самым таинственным образом, каким распространяются новости в Африке, минуя уши большинства белых, мы узнали, что Сенекоза что-то не поделил с вождем какого-то крохотного племени. Слух был весьма неопределенным и, казалось, не особенно подтверждался фактами. Но вскоре после этого вождя нашли наполовину сожранным гиенами. Само по себе это не было столь уж необычным, однако испуг, с которым восприняли эту новость туземцы, был очевиден. Тот вождь для них ничего не значил и даже не пользовался уважением, но его кончина перепугала всех чуть не до

смерти.

А чернокожий, если он чего-то сильно боится, опасен, как загнанная в угол пантера. К следующему визиту Сенекозы туземцы снялись с мест все до единого, ушли и не возвращались до тех пор, пока он не соизволил удалиться.

Казалось, между страхом туземцев, Сенекозой и разорванным гиенами вождем существует некая неуловимая связь.

Вскоре после этого еще одно происшествие усилило мои подозрения. Я, сопровождаемый слугой, заехал далеко в вельд. Мы остановились возле маленького холмика-копи, чтобы дать отдохнуть лошадям, и я увидел гиену, пристально рассматривавшую нас с его вершины. Весьма удивленный: эти твари вообще-то стараются не приближаться к человеку днем, – я вскинул ружье и начал целиться, так как гиен терпеть не могу. Но слуга схватил меня за руку.

– Нет стреляй, бвана! Нет стреляй! – воскликнул он и затараторил что-то на своем языке, которого я не понимал.

– Что еще? – с нетерпением спросил я.

Но он продолжал лопотать и цепляться за мою руку, пока я не догадался, что эта гиена – не простая, а что-то вроде фетиша.

– Ладно, не буду, – согласился я, опуская ружье.

Именно в это мгновение гиена повернулась к нам спиной и скрылась из виду. Костлявый, омерзительный зверь двигался вроде бы и неуклюже, но одновременно так грациозно

и величественно, что забавное, хоть и совершенно нелепое, сходство было очевидным.

Рассмеявшись, я указал туда, где скрылась гиена:

– Ну точно словно сам колдун Сенекоза воплотился в гиену!

Моя невинная шутка оказалась неудачной: слуга-туземец буквально позеленел от ужаса, а затем, развернув своего пони, погнал куда-то в сторону ранчо, испуганно озираясь на меня.

Раздраженный, я поскакал за ним, на ходу обдумывая, что же случилось. Гиены, колдун, разорванный на части вождь, вся округа в страхе – какая между всем этим связь? Я думал и думал, однако, будучи в Африке новичком, да еще вдобавок молодым и нетерпеливым, в конце концов досадливо пожал плечами и выкинул эту неразрешимую загадку из головы.

В следующий свой визит на ранчо Сенекоза ухитрился встать прямо напротив меня, и на какой-то миг взгляды наши встретились. Невольно вздрогнув, я отступил на шаг, ощущая примерно то же самое, что должен ощущать человек, неосторожно взглянувший в глаза змеи. Казалось бы, Сенекоза вел себя как обычно и вовсе не искал со мной ссоры, однако от него явно исходила угроза. Краска отлила от моих щек, и я совсем уже было собрался ползть в драку, но он развернулся и ушел, даже не посмотрев в мою сторону. Я никому ничего не сказал, но отлично понял: Сенекоза по

совершенно не понятным мне причинам ненавидит меня и замышляет убить.

Как раз с того дня мое недоверие к колдуну превратилось в глухую ярость, которая затем переросла в ненависть.

А потом на ранчо появилась Эллен Фарен. Отчего ей вздумалось отдыхать от светской жизни в Нью-Йорке на восточно-африканском ранчо – бог весть. Вообще-то Африка – не место для женщин. Именно так Людтвик, также приходившийся ей сколько-то-там-юродным братом, и сказал, хотя был невероятно рад ее приезду. Что до меня, я никогда особенно не интересовался девушками, чувствовал себя в их присутствии крайне глупо и всякий раз спешил поскорее откланяться. Однако в нашей глуши белых было всего несколько человек, и общество Людтвика успело порядком мне наскучить.

Эллен была молода и хороша собой. Розовые щечки, золотистые локоны, огромные серые глаза, стройная фигура...

Она стояла на просторной веранде; краги, шпоры, куртка и легкий пробковый шлем удивительно шли ей. Я, сидя на жилистом африканском пони, глазел на нее и чувствовал себя крайне неуклюжим, грязным и глупым.

А Эллен увидела перед собой коренастого парнишку с песочного цвета шевелюрой и водянистыми, сероватыми глазами, невзрачного и несимпатичного, облаченного в пропыленный костюм для верховой езды и перепоясанного патрон-ташем, на котором с одной стороны болтался крупнокали-

берный кольт, а с другой – охотничий нож устрашающей длины.

Я спешил, и она подошла ко мне, протягивая руку.

– Меня зовут Эллен, – заговорила она, – а ты, я знаю, Стив. Кузен Людтвик о тебе рассказывал.

Я пожал ее руку, и дыхание мое остановилось – каким восхитительным может быть простое прикосновение!

Эллен принялась осваиваться на ранчо с невероятным энтузиазмом – она все делала именно так. Пожалуй, я никогда не встречал человека более жизнерадостного, умевшего так наслаждаться жизнью. Она просто кипела весельем и задором!

Людтвик отдал ей лучшую лошадь на ранчо, и вскоре мы объездили всю округу.

Эллен очень интересовалась черными. Те, не привыкшие к белым женщинам, боялись ее. Только позволь ей – тут же спешится и примется играть с негритятами. Никак не могла понять, отчего к черным нужно относиться, как к грязи под башмаками. Мы много об этом спорили, но убедить ее я не сумел и просто выпалил: она-де ничего здесь не знает и потому должна поступать, как я говорю. В ответ она надула свои прелестные губки, обозвала меня тираном, пришпорила лошадь и унеслась в вельд, на прощание обернувшись и бросив мне презрительную улыбку. Распушенные волосы ее стелились по ветру...

Тиран... Да я с первого дня стал ее рабом! Мне и в голову

не приходило, что она может полюбить меня. Не оттого, что Эллен была на несколько лет старше или что в Нью-Йорке у нее остался милый (а скорее, даже не один). Я просто преклонялся перед ней. Само ее присутствие одурманивало, и я не мог представить себе жизни более сладкой, чем преданное, рабское служение ей.

Однажды я чинил седло, и вдруг на веранду вбежала Эллен.

– О, Стив! – воскликнула она. – Там такой романтичный дикарь! Идем скорее, скажешь мне, как его зовут!

Она схватила меня за руку и поволокла на двор.

– Вот этот! – Она наивно указала на Сенекозу, стоявшего с надменно поднятой головой и скрещенными на груди руками.

Людтвик, разговаривавший с колдуном, не обращал на Эллен внимания, пока не покончил с делами, а затем обернулся, взял ее за руку и увел в дом.

Я снова оказался один на один с этим дикарем, но на сей раз он даже не взглянул в мою сторону. Невозможно описать охватившую меня ярость: он неотрывно смотрел на Эллен, и его змеиные глаза выражали такое...

В тот же миг я выхватил кольт и прицелился, но рука дрожала от гнева, точно лист на ветру. Несомненно, Сенекозу следовало пристрелить, как змею, стереть с лица земли эту гадину!

Он перевел твердый, немигающий взгляд на меня. Нет, та-

кого отстраненного, ироничного спокойствия не может быть в глазах человека!

Я не смог спустить курок. Несколько мгновений мы стояли друг перед другом, затем он повернулся и величественно зашагал прочь. Я смотрел ему вслед, беспомощно рыча от ярости.

Сенекоза скрылся из виду, и я удалился на веранду. Что за таинственный дикарь! Что за странной властью он обладает? Не ошибся ли я, не почудилось ли мне вождение во взгляде, которым он провожал Эллен? Мне во всем моем юношеском безрассудстве казалось невероятным, чтобы черный – неважно, каково его положение, – вот так смотрел на белую женщину. И самое удивительное: отчего я не смог выстрелить? Кто-то коснулся моего плеча, и я вздрогнул.

– О чем задумался, Стив? – со смехом спросила Эллен и, прежде чем я смог хоть что-то ответить, продолжила: – Ну разве не прелесть этот вождь, или кто он там, этот дивный дикарь? Пригласил нас в гости, к себе в крааль – так это, кажется, называется? Словом, куда-то в вельд. Мы обязательно поедем!

Я вскочил, точно ужаленный, с яростным криком:

– Нет!

– О, Стив, – ахнула она, – как ты груб! Он вел себя как настоящий джентльмен. Не правда ли, кузен Людтвик?

– Ja, – умиротворенно кивнул Людтвик. – Мы вскоре поедем к нему в крааль. Этот дикарь – сильный вождь. С ним

будет хорошая торговля.

– Нет! – бешено выдохнул я. – Если кому-то нужно ехать, поеду я. А Эллен и близко не подойдет к этой твари!

– Распрекрасно! – с негодованием передернула плечами Эллен. – Может быть, вы, мистер, мой хозяин?

Эллен был крайне упряма. Несмотря на все мои старания, они решили отправиться в деревню, где жил колдун, завтра же.

Вечером, когда я сидел на веранде при свете луны, она подошла ко мне и присела на подлокотник моего кресла.

– Ты ведь не сердишься на меня, Стив? – доброжелательно спросила она, обнимая меня за плечи. – Не злишься?

Злиться? Нет! Скорее, я обезумел от прикосновения ее нежного тела, и то было безумие рабской преданности. Хотелось пасть ниц к ее ногам и целовать ее изящные туфельки. Неужели женщины ничего не знают о том, как действуют на мужчин?!

Я нерешительно взял ее руку и поднес к своим губам. Наверное, она почувствовала мою преданность.

– Дорогой мой Стив, – ее слова ласкали и нежили, – идем, погуляем под луной.

Мы вышли за частокол. Следовало бы захватить оружие – при мне не было ничего, кроме длинного турецкого кинжала, который я носил вместо охотничьего ножа. Однако она не позволила.

– Расскажи мне про этого Сенекозу.

Поначалу я очень обрадовался представившейся возможности, но тут же подумал: а что говорить? Что гиены сожрали какого-то масайского царька?

Что колдуна до смерти бояться все туземцы? Или как он смотрел на нее?

Мои размышления были прерваны громким криком Эллен: из высокой травы выскочил зверь, едва различимый в свете луны. Что-то тяжелое и лохматое обрушилось на меня. В ужасе я успел вскинуть руку, в которую немедленно впились острые клыки, и упал на землю, яростно отбиваясь. Вскоре куртка моя была разодрана в клочья, а клыки почти добрались до горла, но я наконец сумел вытащить нож и ударить вслепую. Клинок вонзился в хищника, и тот исчез, словно тень. Весь дрожа, я поднялся на ноги и пошатнулся. Эллен схватила меня за плечо и помогла устоять.

– Что это было? – выдохнула она, ведя меня к частоколу.

– Гиена, – ответил я. – По запаху узнал. Только никогда не слышал, чтобы они вот так нападали...

Она вздрогнула. Позже, когда мне перевязали израненную руку, она подошла поближе и удивительно покорно сказала:

– Стив, я решила не ездить в эту деревню, если ты против.

После того как мои раны зажили, мы с Эллен, как и следовало ожидать, возобновили верховые прогулки. Однажды мы заехали довольно далеко в вельд, и она предложила скакать наперегонки. Ее лошадь легко обставила мою. Остановив ее, Эллен весело рассмеялась. Она поджидала меня на

вершине маленького копи и, стоило мне приблизиться, указала на небольшую рощицу вдалеке:

– Деревья, смотри! Поедем туда, ведь в вельде почти нет деревьев!

Она пришпорила лошадь, а я, повинувшись некоему предчувствию, расстегнул кобуру, вытащил нож из ножен и переложил за голенище, где его вовсе не было видно.

Мы проделали около половины пути к роще, но тут трава перед нами расступилась, и из нее выступил Сенекоза в сопровождении двух десятков воинов.

Один из них схватил поводья лошади Эллен, а остальные бросились на меня. Эллен выстрелила, и воин, остановивший ее лошадь, упал, получив пулю между глаз, а еще один рухнул после моего выстрела. Затем брошенная кем-то дубина выбила меня из седла, наполовину лишив чувств. Меня обступили черные, и я увидел, как лошадь Эллен, обезумев от случайного укола копьём, с визгом встала на дыбы, разметав державших ее чернокожих, и, закусив удила, понеслась прочь.

Сенекоза легко прыгнул на мою лошадь и поскакал вдогонку, отдав через плечо какой-то приказ своим дикарям. Вскоре оба всадника скрылись за копи.

Воины связали меня по рукам и ногам и поволокли в рощу. Там, среди деревьев, стояла хижина из коры и соломы. Вид ее почему-то заставил меня задрожать. Хижина казалась мрачной, отталкивающей и неопишимо зловещей. При виде

ее невольно приходили на ум воспоминания о непристойных и ужасных ритуалах вуду.

Не знаю, почему так, однако вид одинокой, укромной туземной хижины вдалеке от деревни или кочевья всегда означал для меня нечто ужасное. Возможно, оттого, что в одиночку живут лишь чернокожие, повредившиеся в уме или же столь преступные, что собственное племя отказалось от них.

У самого входа меня швырнули на землю.

– Когда Сенекоза вернуться с девушка, ты будешь войти.

С дьявольским смехом мои пленители удалились, оставив одного чернокожего стеречь меня. Он злобно пнул меня в бок. То был звероподобный негр, вооруженный старым мушкетом.

– Твой – глупец, – насмешливо сказал он. – Они идти убивать белых! Идти на ранчо и фабрики. Сначала – к тот глупец, англичанин.

Он имел в виду Смита, чье ранчо находилось неподалеку от нашего.

Негр продолжал рассказ, выкладывая все больше и больше подробностей. Он хвастал, что замысел принадлежит самому Сенекозе и что все белые на побережье будут изловлены и убиты.

– Сенекоза – не простой человек, – хвастал негр. – Твой, – тут он понизил голос и оглянулся по сторонам, сверкнув белками из-под густых черных бровей, – будешь увидеть волшебство Сенекозы. – Он ухмыльнулся, обнажив сточенные

кльки. – Мой – людоед. Человек Сенекозы.

– Который не убьет ни единого белого, – поддел его я.

Он дико оскалился:

– Мой будет убить твой, белый человек!

– Не посмеешь.

– Это правда, – признался он. – Сенекоза будет убить твой.

В это время Эллен неслась в сумасшедшей скачке. Колдун не мог догнать ее, но сумел отрезать от ранчо и теперь гнал все дальше и дальше в вельд.

Чернокожий развязал стягивавшие меня веревки. Причина тому была до абсурда ясной: он не смел убить пленника Сенекозы иначе как при попытке к бегству. Жажда крови свела его с ума. Отступив на несколько шагов, он приподнял свой мушкет, наблюдая за мной, точно змея за кроликом.

Уже потом Эллен рассказывала, что примерно в это время ее лошадь споткнулась и сбросила ее. Прежде чем Эллен успела подняться, чернокожий колдун спешился и схватил ее. Она закричала и принялась отбиваться, но он держал ее слишком крепко и только рассмеялся. Разорвав куртку Эллен, он связал ее по рукам и ногам, сел на лошадь и поскакал вперед, перекинув пленницу через седло перед собой.

А я тем часом медленно поднялся с земли, растер онемевшие руки, придвинулся чуть ближе к охранявшему меня черному, потянулся, затем наклонился, начал растирать ноги и неожиданно, по-кошачьи, прыгнул на него, выхватив из-за голенища нож. Мушкет его грохнул, однако я успел уда-

рить ногой по стволу, и заряд просвистел над моим ухом. В рукопашной мне, конечно, не сравниться бы с таким великаном, не будь у меня ножа. Я был слишком близко, и он не мог оглушить меня прикладом. Но он-то сообразил это не сразу. Пока негр напрасно старался размахнуться, я отчаянным толчком вывел его из равновесия и по самую рукоять вонзил нож в глянцевито-черную грудь.

Потом, высвобождая лезвие, пришлось потрудиться, однако другого оружия не было: мушкет оказался разряженным.

Не имея никакого представления, куда направилась Эллен, я решил, что нужно идти в сторону ранчо. Кроме того, следовало предостеречь ничего не подозревавшего Смита. Воины Сенекозы намного опережали меня и могли уже добраться до его ранчо.

Не успел я преодолеть и четверти пути, как грохот копыт за спиной заставил меня оглянуться. Меня догоняла лошадь без седока. Та самая, на которой ездил Эллен. Поймав поводья, я заставил ее остановиться. Либо Эллен успешно добралась до безопасного места и отпустила лошадь, либо, что более вероятно, ее схватили, а лошадь вырвалась и, как они всегда это делают, поскакала к дому. Взгромоздившись в седло, я помчался к ранчо Смита: до него было недалеко, черные дьяволы наверняка еще не успели расправиться с ним, а мне, если уж я намеревался спасти девушку из лап Сенекозы, следовало раздобыть ружье.

Примерно в полумиле от ранчо Смита я нагнал всадников и промчался сквозь них, словно сквозь облако дыма. Пожалуй, работники Смита были поражены видом всадника, который во весь опор подскакал к частоколу с криком «Масаи! Масаи! Тревога, дурачье!», выхватил у кого-то ружье и унесся прочь.

Словом, подоспевшие вскоре дикари обнаружили, что их ждут. Прием им был оказан столь теплый, что после одной-единственной попытки штурма они поджали хвосты и убрались обратно в вельд.

А я скакал, как никогда прежде. Бедная кобыла едва не падала от изнеможения, но я безжалостно гнал ее вперед. Направлялся я к единственному известному мне месту – к той самой хижине среди деревьев. Колдун, без сомнения, должен был вернуться туда. Рощи еще не было видно, когда прямо на меня из высокой травы вылетел всадник. Лошади наши столкнулись и рухнули наземь.

– Стив!

Крик был исполнен радости, смешанной со страхом. Элен, связанная по рукам и ногам, изумленно взирала с земли, как я поднимаюсь на ноги.

Сенекоза бросился на меня. Клинок его длинного ножа сверкнул в лучах солнца. Довольно долго мы топтались на месте, били и парировали, нападали и уклонялись, и никто не мог одержать верх: моя ярость и увертливость противостояли его дикой силе.

Наконец он нанес сильнейший удар, и мне удалось поймать на клинок его руку, раскроив ее едва не до локтя, и быстрым поворотом выбить у него нож. Но, прежде чем я сумел воспользоваться своим преимуществом, он прыгнул в траву и пропал.

Я поднял Эллен, освободил ее от пут, и она, бедняжка, вцепилась в меня изо всех сил. Пришлось взять ее на руки и отнести к лошадям. Но с Сенекозой еще не было покончено. Должно быть, где-то неподалеку он припрятал ружье – в каком-то футе от моей головы свистнула пуля.

Я схватил было поводья кобылы, но тут же понял, что она уже сделала все, на что была способна. Тогда я подсадил Эллен на свою лошадь и скомандовал:

– Езжай к нашему ранчо. В вельде полно черномазых, однако прорваться можно. Скачи быстрее, но постарайся, чтоб не заметили!

– Стив, а как же ты?

– Вперед!

Я подхлестнул ее лошадь. Эллен понеслась прочь, с тоской оглянувшись на меня. Тогда я взял наизготовку одолженное у Смита ружье и углубился в буш. До самого вечера мы с Сенекозой играли в прятки под жарким африканским солнцем. Ползали, скрывались в редком кустарнике, прятались в высокой траве и обменивались пулями. Шелест травы, хруст ветки под ногой – гремит выстрел, за ним еще, и все начинается снова.

Патронов у меня было немного, поэтому я старался беречь их, но вот наконец зарядил ружье – огромную, шестого калибра одностволку, заряжающуюся с казенной части (некогда было выбирать), – последним. Сжавшись в комок в своем укрытии, я ждал, когда чернокожий выдаст себя неосторожным движением. Ни звука, ни шепотка не слышно было в траве. Где-то вдали разразилась дьявольским хохотом гиена, и тут же, словно в ответ, неподалеку от меня захохотала другая. Лоб мой покрылся холодным потом.

Но – что это? Грохот подков! Неужели воины Сенекозы возвращаются? Я осторожно выглянул из травы – и чуть не завопил от радости. Прямо ко мне неслись человек двадцать белых и чернокожих пастухов с ранчо, а впереди всех скакала Эллен! Расстояние до них было еще порядочным. Я скользнул за высокий куст, встал во весь рост и замахал руками, чтобы привлечь их внимание.

Все разом закричали, указывая на что-то за моей спиной. Обернувшись, я увидел ярдах в тридцати от себя огромную гиену, быстрыми прыжками приближавшуюся ко мне. Я окинул быстрым взглядом вельд – где-то там, среди травы, прятался Сенекоза. Выстрел мог выдать меня, да к тому же и патрон оставался последний. А мои спасители все еще были слишком далеко...

Я снова взглянул на гиену. Она приближалась, и намерения ее не вызвали никаких сомнений. Глаза зверя сверкали адским огнем. Судя по шраму на плече, то была та самая

гиена, что напала на меня возле ранчо. Объятый ужасом, я покрепче прижал к плечу приклад старого слоновьего ружья и послал в гиену свою последнюю пулю. С визгом, до дрожи похожим на человеческий, гиена скрылась в кустах, сильно хромя на бегу.

И тут меня обступили спасители. Град пуль обрушился на то место, откуда Сенекоса стрелял в последний раз, но ответа не последовало.

Кузен Людтвик кипел от ярости, что заметно усилило его бурский акцент:

– Нишефо, не уйтет, смеюка!

Мы рассыпались цепью по вельду, прочесывая каждый дюйм, но колдуна и след простыл. Нашли только незаряженное ружье да россыпь стреляных гильз. Но самым странным оказалось то, что от брошенного ружья в траву вел след гиены.

От темного ужаса волоски на моем загривке встали дыбом. Мы переглянулись и, ни слова не говоря, пошли по следу. Зверь явно подкрадывался ко мне, скрываясь в высокой, по плечо, траве, терпеливо выслеживая свою жертву. Кусты, куда гиена нырнула после моего выстрела, были обагрены кровью, так что ошибиться было невозможно. Мы двинулись по кровавому следу дальше.

– Да ведь след ведет к хижине этого колдуна, – пробормотал Смит. – Здесь, господа, какая-то дьявольская тайна!

После этого кузен Людтвик велел Эллен не ходить дальше

и оставил с ней двоих мужчин.

След тянулся на вершину копи, а затем – в ту самую рощу, напрямиком ко входу в хижину. Мы внимательно осмотрели все вокруг, но других следов не нашли. Значит, зверь там. Держа ружья наготове, мы распахнули грубо сколоченную дверь...

Вокруг хижины не было никаких следов, кроме отпечатков лап гиены, однако внутри оказался вовсе не зверь. На земляном полу с пулей в груди лежал Сенекоза, туземный колдун.